

Чёрная змея положила Цзян Лэ на землю, сама дважды обползла окрестности и, убедившись, что в радиусе нескольких километров степень мутации не слишком высокая, наконец успокоилась. Она снова взяла Цзян Лэ в пасть, оттащила в найденную ею пещеру, а уходя, ещё и притащила к входу большой камень, чтобы завалить проход. Только после этого, всё ещё неохотно, уползла.

Цзян Лэ был хорошим питомцем. Чёрная змея помнила: когда пришла опасность, первым делом он защитил своих питомцев. Это вызывало у неё лёгкую зависть, но одновременно заставляло думать, что раз уж она тоже хозяйин, то и ей следует поступать с Цзян Лэ так же.

Не то чтобы чёрная змея не хотела остаться подольше, дожидаться, пока Цзян Лэ очнётся, и показать, как хозяйин заботится о своём питомце. Просто в голове уже прозвучал приказ Сян Пина: ей нужно было как можно скорее вернуться. Если её отсутствие раскроется, Цзян Лэ окажется в опасности.

Чёрная змея стремительно скользнула прочь и очень скоро исчезла без следа.

А в тёмной пещере Цзян Лэ лежал без сознания. По выражению лица было ясно, что его тело всё ещё терпит страшную боль.

В пещере, где не было видно ни зги, течение времени ощущалось не слишком отчётливо. Когда Цзян Лэ очнулся от приступа тяжёлого кашля, уже наступил следующий день.

Во время этого кашля он выплюнул множество кровавых сгустков. Внутри всё ещё болело, но вместе с болью пришло и чувство облегчения, будто давний застой наконец прорвало.

Однако даже покинув место, где получил рану, он всё равно был тяжело ранен. На этот раз смерть прошла слишком близко. Тело изо всех сил восстанавливалось, но до полного выздоровления было ещё далеко.

Из-за того что в последний момент он насильно втянул питомцев в пространство, сам Цзян Лэ пострадал куда серьёзнее, чем они, всего лишь ненадолго подавленные. Теперь даже поднять руку и открыть системное пространство оказалось для него трудом. Кости словно размякли, рука дрожала. Он провозился больше десяти минут, прежде чем наконец вошёл в пространство.

Когда в пространстве прошла волна открывшейся энергии, волчонок в одно мгновение метнулся ко входу. За целый день, пока он не мог связаться с Цзян Лэ, каждая клетка его тела была охвачена ужасом. Эта душевная пытка почти заставила его возненавидеть выбор Цзян Лэ.

Другие люди и мутировавшие виды в глазах волчонка не стоили и гроша, но Цзян Лэ всё равно рисковал ради них. За крохотную возможность победы он заплатил тем, что оказался на грани жизни и смерти.

Цзян Лэ пошатнулся и упал в руки волчонка. В следующее мгновение его ноги уже оторвались от земли: волчонок поднял его на руки.

Сейчас волчонок тоже был ранен, но по сравнению с Цзян Лэ его состояние почти можно было назвать нормальным.

Сквозь веки, которые из-за усталости и боли никак не хотели открываться полностью, Цзян Лэ разглядел холодное выражение лица волчонка. Он с усилием поднял руку и погладил его по волосам, будто утешая.

Но из-за этого волчонок, казалось, разозлился ещё сильнее. Он опустил голову и смотрел на Цзян Лэ, не понимая, почему даже в такой момент тот первым делом подумал о том, чтобы успокоить его.

А потом волчонок подумал дальше: даже если бы сейчас перед Цзян Лэ была кровавая лоза, он бы тоже попытался её утешить. Потому что Цзян Лэ был именно таким.

Впрочем, сам Цзян Лэ уже почти не чувствовал настроения волчонка. Вернувшись в пространство, он словно вернулся в безопасное место. Наконец он позволил сознанию направить тело в более глубокое восстановление и всего за секунду-другую провалился в спячку.

Волчонок уложил Цзян Лэ на кровать, долго смотрел на его спящее лицо и сердился сам на себя. Но в конце концов лишь беспомощно придвинулся ближе, легко коснулся его лица и губ, а потом остался сторожить рядом.

Цзян Лэ очнулся глубокой ночью. После ещё полдня восстановления он наконец частично вернул контроль над телом. Голова всё ещё была тяжёлой, будто его не отпускала высокая температура, но самый опасный момент всё же остался позади.

В первую секунду после пробуждения он увидел волчонка, лежавшего рядом. Тому, казалось, сильно не хватало чувства безопасности. Хотя в человеческом облике он был высоким и крупным, сейчас свернулся калачиком и прижимался головой к шее Цзян Лэ.

Боль, от которой прежде было больно даже дышать, немного отступила. Цзян Лэ в темноте несколько секунд молча смотрел на волчонка, затем протянул руку и легко провёл по его лицу.

А на запястье Цзян Лэ обвивалась веточка мутировавшего женьшеня, протянувшаяся с наружных грядок. Она снова передавала ему множество сведений, собирая их в связную цепочку.

— Всё, что раньше было извлечено, я вернул тебе, — сказал мутировавший женьшень. Его листья крепче обхватили руку Цзян Лэ, словно он заботился о больном. — Но твои раны

слишком тяжёлые. Я могу лечить тебя только понемногу каждый день. Тебе нужно набраться терпения.

— Спасибо, — тихо сказал Цзян Лэ.

Волчонок проснулся не сразу. Похоже, разговор Цзян Лэ с мутировавшим женьшенем лишь слегка потревожил его сон, и он ещё глубже уткнулся в грудь Цзян Лэ. Цзян Лэ не стал его отодвигать. Сам же с трудом, силой мысли, вызвал панель управления.

Мутировавший женьшень, увидев это, отпустил его запястье и медленно вышел из комнаты.

Старый камфорный лавр, атаковав его, не оставил никакого пространства для пощады. Если бы его всё ещё не затронули фрагменты воспоминаний о Вэнь Тао и Вэнь Тун, Цзян Лэ, пожалуй, не дожился бы до этого момента.

И всё же именно поэтому на лице Цзян Лэ появилась слабая улыбка. Азартная ставка была опасной, но, к счастью, он выиграл.

Ещё до входа на главную базу Цзян Лэ знал: его слабое место — ментальная сила. В нескольких битвах это уже становилось его недостатком. Стоило ментальной силе быть пробитой, и перед Сян Пинем он оказывался бы как на ладони. Избежать такого исхода можно было почти только одним способом: быстро повысить собственную ментальную силу так, чтобы нападающий не смог прорвать защиту.

Но это было невозможно. Усиление, которое фермерская система давала Цзян Лэ при повышении уровня, касалось базовых данных вроде скорости, силы, интеллекта и жизненной силы. Он не мог, как мутировавшие виды, целенаправленно прокачивать отдельные направления с помощью кристаллических ядер. А даже если бы мог, несколько повышений уровня за короткий срок всё равно были бы крайне рискованны.

Однако сама по себе защита нужна была лишь для того, чтобы Сян Пин не получил слишком много информации. Раз так, существовал ещё один способ. Перед тем как прибыть на главную базу, Цзян Лэ позволил мутировавшему женьшеню проникнуть в его сознание, извлечь оттуда ключевые сведения о фермерской системе, повышениях уровня и прочем, а оставшееся сплести в достаточно убедительные воспоминания и заново внедрить в мозг Цзян Лэ.

Из-за этого после входа на главную базу даже сам Цзян Лэ ненадолго забыл эти важные сведения. Чтобы обмануть других, лучше сначала обмануть себя.

Теперь мутировавший женьшень вернул правильные воспоминания в его сознание, позволив связать всё произошедшее воедино. Цзян Лэ сразу понял, что должен делать дальше.

Ещё до входа на базу Дунфан он уже через внутреннюю панель немного общался с Мао

Сяофэй и в определённой степени предупредил его о том, что может случиться дальше, дав ему подготовиться морально. А перед тем как войти в здание, где находилась жена Сян Пина, Цзян Лэ снова отправил предупреждение и обсудил дальнейший план.

Мао Сяофэй всегда слушался Цзян Лэ. Ответ, который он прислал, говорил только одно: он будет сотрудничать изо всех сил.

Цзян Лэ заранее через панель убрал с фермы офисное здание, общежития, столовую и другие постройки. Сама система позволяла возвращать постройки для последующего строительства новых, поэтому сделать это оказалось довольно просто.

Даже фермерскую ограду, привязанную к его уровню, Цзян Лэ заранее разобрал. Заодно он снял и большую часть прежней, похожей на лабиринт защиты вокруг фермы. Он изо всех сил постарался придать ферме вид, которого мог бы добиться обладатель растительной способности, заранее возделывавший землю.

Он не слишком боялся, что ферма столкнётся с опасностью, если это будет не Сян Пин. Мао Сяофэй, Кун Шуя и другие старые работники фермы уже были обладателями способностей 6-го уровня. Плюс на ферме имелось множество охранных растений. Если обычные обладатели способностей придут туда с дурными намерениями, пострадают только они сами.

Открыв панель, Цзян Лэ по ежедневным базовым показателям сделал вывод: Сян Пин, похоже, ещё не добрался до фермы. Но, вероятно, уже скоро.

В противостоянии с Сян Пином Цзян Лэ, без сомнения, был в слабой позиции. Однако даже если прятаться, случайности всё равно неизбежны. Нельзя вечно сторожить вора тысячу дней подряд. Раз уж когда-нибудь его всё равно могли вынудить раскрыться, лучше было самому, в контролируемых пределах, показать Сян Пину ту часть, которую можно показать.

К тому же подавляющее большинство работников фермы были обычными людьми и жили спокойно. Они не должны были вызвать у Сян Пина отвращения. Что до обладателей способностей на ферме, Цзян Лэ заранее передал Мао Сяофэю нужные формулировки.

Пока человек является работником фермы, неважно, обладатель он способности или обычный человек: при ранении он запускает защитный механизм фермы, и сведения в реальном времени передаются Цзян Лэ. Тогда Цзян Лэ сможет отреагировать.

Убедившись, что сейчас на ферме ничего не происходит, Цзян Лэ увеличил громкость системных уведомлений и временно закрыл панель.

На рассвете следующего дня его разбудил звук системного уведомления.

Цзян Лэ сразу открыл глаза и рефлекторно вызвал панель. Когда он увидел системное

сообщение и текущую карту фермы, взгляд у него похолодел.

«Работник Мао Сяофэй подвергся атаке гигантского питона. Состояние опасное!»

* * *

В то же время на ферме.

Мао Сяофэй с силой ударился о землю после того, как хвост чёрной змеи швырнул его в сторону. Если бы уровень его способности не был достаточно высок, а тело не стало достаточно крепким, один такой удар хвостом мог бы на месте перерубить его пополам.

В горле Мао Сяофэй почувствовал сладковатый привкус крови. Несколько полных ртов крови вырвались наружу помимо его воли.

— Сяофэй! — Чжан Хайян закричал от тревоги, но Мао Сяофэй тут же поднял руку, останавливая его.

— Не... не подходите, — с трудом выговорил Мао Сяофэй. Он терпел резкую боль в животе и пытался подняться, а в душе сильно нервничал.

Когда-то Цзян Лэ сказал ему: если во время его отсутствия кто-то ворвётся на ферму, с теми, кого можно победить, нужно драться, а если победить нельзя, нужно сообщить им, что безопасность работников фермы связана с посевами и животными фермы. Если причинить вред работникам, это повредит и фермерским саженцам.

Только что Мао Сяофэй изо всех сил сохранял спокойствие. Он защищал остальных работников за своей спиной, говорил Сян Пину, что является вторым ответственным лицом здесь, и передал ему объяснение, которое дал Цзян Лэ.

Именно поэтому Сян Пин приказал чёрной змее атаковать. После того как Мао Сяофэй был повален, Сян Пин невозмутимо смотрел на него и терпеливо ждал, чтобы проверить, подтверждаются ли его слова.

Смысл взгляда Сян Пина Мао Сяофэю был ясен. Если сказанное окажется ложью, он умрёт.

Но Мао Сяофэй не боялся, потому что это сказал ему Цзян Лэ. Он верил: Цзян Лэ не обманет его.

И действительно, когда Мао Сяофэй, шатаясь, поднялся, ближайшее к ним большое рисовое поле внезапно провалилось на месте. Прежде ровные участки, густые и крепкие рисовые всходы исчезли без следа. На их месте осталась лишь сухая, необработанная земля.

Площадь этого рисового поля была немалой, и его исчезновение достаточно бросалось в глаза.

Сян Пин повернулся и посмотрел туда. Его взгляд дрогнул, и он тихо произнёс:

— Значит, это правда.

Исчезновение такого большого рисового поля показалось ему крайне досадным. Аромат рисовых всходов, который приносил ветер, будто всё ещё стоял у него перед носом и напоминал о временах, когда он встречался с женой и по выходным ездил с ней погулять в пригород.

— Ну хорошо. Вы можете по-прежнему жить и работать здесь. Я лишь хочу получить то, что мне нужно. Хорошее сотрудничество выгодно всем, — сказал Сян Пин.

Ло Мяннь поддерживал Мао Сяофэя. Как и бесчисленные работники, он смотрел на Сян Пина с гневом.

Только Мао Сяофэй, несмотря на тяжёлую рану, оставался самым спокойным из присутствующих. Он знал: только сотрудничая с Сян Пином, можно как можно лучше защитить работников фермы и саму ферму.

Узнав, что работа фермы неотделима от работников, Сян Пин, скорее всего, больше не станет безрассудно вредить им.

— Но до этого я должен кое-что подтвердить, — сказал Сян Пин.

Как только он договорил, у него в руке появилось миниатюрное камфорное дерево. Это, конечно, был не настоящий размер дерева. Оно лишь было временно перенесено Сян Пином из другого пространства.

В толпе стоял невысокий мальчик. С той самой секунды, как он увидел Сян Пина, он с такой ненавистью стиснул зубы, что Кун Шуя крепко прижала его к себе. Слёзы беспрерывно катились из его глаз и падали на её бедро. Этим ребёнком был Вэнь Тао. Вэнь Тун тоже стояла рядом с Кун Шуей и крепко держала её за другую руку.

Вэнь Тао с первого взгляда узнал Сян Пина. Он чувствовал страх и ненависть. Хотя ему было всего шесть-семь лет, неизгладимая ненависть наполняла его жадной мести. Но одновременно Цзян Лэ говорил Вэнь Тао: любая месть должна опираться на собственную силу. Нельзя делать то, в чём нет уверенности.

Поэтому Вэнь Тао даже плакать не смел громко. Ещё до того, как Сян Пин посмотрел в его сторону, он уткнулся головой в бок Кун Шуи, словно обычный испуганный ребёнок, который плачет от страха.

Но когда Сян Пин достал миниатюрный старый камфорный лавр, Вэнь Тао снова украдкой взглянул туда. Этот взгляд вызвал в нём огромное потрясение.

Старый камфорный лавр!

Для Вэнь Тао он был ещё одним близким, помимо Вэнь Тун. Это была духовная опора, которую никто не мог заменить. Вэнь Тао не удержался и посмотрел ещё раз. Когда старый лавр направил к нему исследующую ментальную силу, мальчик даже не попытался уклониться. Он сам впустил это знакомое чувство в своё сознание.

Сейчас старый камфорный лавр уже достиг 12-го уровня и особенно чутко реагировал на любой взгляд, которого быть не должно. Поэтому, коллективно вторгаясь в сознание присутствующих, больше всего внимания он уделил именно Вэнь Тао.

Когда старый лавр развернул воспоминания Вэнь Тао, ему хватило долей секунды, чтобы получить сведения, заставившие его усомниться во всём. Для нынешнего старого лавра все воспоминания начинались с пробуждения в лаборатории Сян Пина. Сян Пин сказал ему: они стараются спасти этот мир, он его воссоздатель, его отец, а все, кто встаёт на пути, — враги, которых можно без сожалений стереть.

Но в воспоминаниях Вэнь Тао, когда тот только учился говорить, когда неуверенно делал первые шаги, когда радостно играл, когда вдруг наступил апокалипсис и пришёл страх, в бесчисленных картинах присутствовал старый камфорный лавр. Деревня Вэньси существовала вокруг старого камфорного лавра, а старый камфорный лавр защищал Вэньси. А когда картины потемнели, старый лавр увидел в воспоминаниях Вэнь Тао лицо Сян Пина.

С точки зрения Вэнь Тао он не был ни добрым отцом, ни защитником. Сян Пин означал уничтожение и жестокость.

Сян Пин почувствовал, что листья старого лавра у него в руке внезапно необычно задрожали. Он покосился на него и тихо спросил:

— Что случилось? Есть что-то странное?

Старый камфорный лавр вывел своё сознание из головы Вэнь Тао. Два противоречащих друг другу потока мыслей столкнулись в нём, и он на мгновение растерялся. Информация, внедрённая после пробуждения, не могла просто так исчезнуть. Но и воспоминания Вэнь Тао не казались хоть сколько-нибудь поддельными.

Прежде чем Сян Пин успел что-либо заподозрить, старый лавр заговорил. Он передал Сян Пину часть сведений, извлечённых из сознаний этих людей. Из-за того что его прервали воспоминания Вэнь Тао, в воспоминаниях остальных он почти не задержался, поэтому извлечённое оказалось ограниченным. Большая часть относилась к двум последним партиям беженцев.

Они не знали, какой ферма была изначально. Знали лишь, что высокая ограда вокруг фермы несколько дней назад рухнула.

Из-за этого Сян Пин задал вопрос Мао Сяофэю. Лица Мао Сяофэя, Кун Шуи и остальных тут же изменились. Мао Сяофэй слегка опустил голову и сухим голосом сказал:

— Брат Цзян говорил... если с ним что-то случится, ферма станет такой...

У Кун Шуи из уголка глаза выкатилась слеза. Она упрямо стёрла её рукой, но всё равно не удержалась и спросила Сян Пина:

— Что вы сделали с братом Цзяном?

Сян Пин фыркнул и холодно взглянул на Мао Сяофэя, Кун Шую и остальных. Он лишь убедился, что их горе не притворно, и не ответил на другие вопросы. Перед тем как уйти, он только сказал:

— Управляйте этим местом как обычно. Если потом мне что-то понадобится, я в любой момент пришлю людей забрать.

Договорив, он встал на спину чёрной змеи. Чёрная змея, прежде размером с обычного питона, быстро выросла до такой степени, что на неё приходилось задира́ть голову. Перед тем как развернуться, она ещё несколько раз посмотрела на место, где когда-то жил её питомец, и про себя подумала: Цзян Лэ и правда потрясающий. Он тайно вырастил здесь столько людей и управлял такой огромной фермой.

Но чёрная змея не задержалась ни на секунду. Под управлением Сян Пина её силуэт в мгновение ока исчез.

Лишь убедившись, что Сян Пин ушёл, люди на ферме наконец полностью выплеснули свой страх и горе.

— Сяофэй, что значит «с Сяо Цзяном что-то случилось»? — Чжан Хайян в тревоге крепко схватил Мао Сяофэя за руку и принялся расспрашивать.

Таких же любопытных было не один и не два. Очень скоро все сгрудились вокруг Мао Сяофэя.

Ло Мяннь понимал их тревогу, но вместе с Фэн Юнем не позволял им теснить Мао Сяофэя.

— Сяофэй ранен. Сначала надо отвести его лечь и отдохнуть.

Но Мао Сяофэй знал, что чувствуют все.

— Ничего, брат Ло. Я скажу ещё пару слов.

С побелевшим лицом он встал на край цветочной клумбы, чтобы все могли его видеть.

— Хотя я сам не уверен, что сейчас случилось с братом Цзяном, брат Цзян говорил: пока ферма существует, он надеется, что все будут хорошо жить здесь дальше. Если потом что-то случится, я тоже буду отвечать за связь с ними. Всем не нужно бояться.

Мао Сяофэй с трудом договорил эту фразу и снова тяжело закашлялся.

Работникам фермы, вероятно, ещё потребуется время, чтобы оправиться от испуга. Но первая встреча с Сян Пином в целом прошла с опасностью, но без катастрофы.

А за тысячи километров от них Цзян Лэ ни на мгновение не смел отвести взгляд от карты фермы. Только когда значок чужака исчез из пределов фермы, он наконец немного выдохнул. Исчезновение рисового поля только что было полностью его операцией из панели. Он всего лишь быстро перенёс этот участок рисового поля в другой угол фермы. В реальности это и создало такой эффект. Похоже, ему удалось обмануть Сян Пина.

Затем он потратил ещё некоторое время, наблюдая, как жизненная сила Мао Сяофэя поднимается из слишком низкого состояния и в конце концов возвращается к относительно здоровому уровню. Лишь тогда Цзян Лэ наконец успокоился. Раз продукция фермы и её саженцы привлекательны для Сян Пина, он может руками Сян Пина распространить эти саженцы по самым разным уголкам континента.

Возможно, здесь как раз сработает старая поговорка: в счастье таится беда, а в беде скрывается счастье.

А предупреждение о нападении на Мао Сяофэя пришло от чёрной змеи. Это заставило Цзян Лэ вспомнить клыки чёрной змеи, которые он видел перед тем, как потерял сознание. С учётом места, где он находился сейчас, было нетрудно понять: именно чёрная змея перенесла его сюда.

Изначальный план Цзян Лэ заключался в том, чтобы временно оказаться в плену у Сян Пина на главной базе. Возможно, ему пришлось бы терпеть эксперименты и многое другое. Он не ожидал, что чёрная змея поступит так. Это неожиданно спасло Цзян Лэ от самого худшего сценария.

Цзян Лэ невольно вспомнил недолгое общение с чёрной змеей во внутреннем городе базы Дунфан. Как орудие, с помощью которого Сян Пин творил зло, чёрная змея вызывала у него очень сложные чувства. Казалось бы, он не должен был испытывать к ней симпатию, но

ненавидеть её тоже не получалось.

Как бы то ни было, напряжённые нервы Цзян Лэ наконец медленно расслабились. И только тогда, опустив взгляд, он обнаружил, что волчонок всё это время пристально смотрит на него.

— От тебя очень сильно пахнет змейей, — сказал волчонок. — Очень неприятный запах.

Цзян Лэ взглянул на него и безжалостно ткнул в очевидное:

— Раз настолько неприятный, почему ты всё равно забирался ко мне в объятия и спал?

Он поднял руку, изначально собираясь ущипнуть волчонка за морду, но сейчас тот был в человеческом облике, и ухватиться было не за что. Цзян Лэ уже хотел убрать руку, однако на полпути волчонок её перехватил.

Волчонок снова резко уткнулся в грудь Цзян Лэ, крепко обнял его за талию обеими руками и пробормотал, словно отвечая на намеренную поддёвку Цзян Лэ:

— Потому что я очень волновался. И очень скучал.

Улыбка на лице Цзян Лэ застыла. Перед таким тоном волчонка трудно было не смягчиться. Но тут он услышал, как волчонок снова тихо сказал:

— Правда очень неприятно. Очень, очень.

— Что неприятно? — спросил Цзян Лэ.

Но он не ожидал, что волчонок, только что тихо прятанный у него на груди, вдруг поднимет голову и поцелует его в губы. То ли кусая, то ли целуя. Движения волчонка были неумелыми и резкими, но смысл поцелуя передавался совершенно отчётливо. Цзян Лэ оказался застигнут врасплох и весь застыл.

— Неприятно, что тебе важны столько людей и столько дел. Неприятно, что во всём мире не только ты один и я. Неприятно. Всё неприятно. Из всех во всём мире я больше всего ненавижу тебя!

В последней половине фразы в прозрачно-голубых глазах волчонка было сплошное несоответствие между словами и сердцем.